

Солодилова Ирина Анатольевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
solodilovaira16@gmail.com

Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты исследования, направленного на выявление прагматического потенциала иронии с целью объяснения причин её широкого использования в речи политиков, в частности, в политических дебатах. Ирония рассматривается в исследовании как лингво-дискурсивное явление, представленное на уровне текста высказыванием, смысл которого рождается как иронический на основе некогерентности двух типов знания – семантики самого выражения и дискурсивного знания. Смысловая некогерентность связана с абсурдностью образа или ситуации, описываемых ироническим высказыванием, которая снимается дискурсивным знанием и становится источником нового смысла. Эта сущностная черта иронии задает её прагматический потенциал и обуславливает её функциональное своеобразие: оценочный характер семантики, комичность, имплицитность, эмотивность, экспрессивность, интерпретативность. Данные характеристики иронии определяют её широкое использование в политической коммуникации, в частности в речи политиков, участвующих в политических дебатах. Последние определяются в исследовании как одна из форм реализации политического дискурса, языковое своеобразие которой определяется стратегическим планом – дискурсивными стратегиями и тактиками, подразделяющимися на две основные группы: стратегии на понижение имиджа оппонента и стратегии на повышение собственного имиджа.

Ключевые слова: ирония, иронический смысл, некогерентность смыслов, политический дискурс, политические дебаты, прагматический потенциал

© Солодилова И. А. 2023

Для цитирования: Солодилова И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 124–135. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_124

Irina A. Solodilova
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
solodilovaira16@gmail.com

Irony in political debate: Functional coherence

Abstract

This article presents the results of a study aimed at identifying the pragmatic potential of irony in order to explain the reasons for its widespread use in the speech of politicians, particularly, in political debates. In the study, irony is considered a linguistic-discursive phenomenon represented at the text level by an utterance whose meaning is born as ironic based on the incoherence of two types of knowledge – the semantics of the expression and discursive knowledge. Semantic incoherence is associated with absurdity of the image or situation described by an ironic utterance which is removed due to discursive knowledge and becomes a source of a new meaning. This essential trait of irony sets its pragmatic potential and determines its functional originality: evaluative nature of semantics, comicality, implicitness, emotiveness, expressiveness, interpretability. These features of irony determine its widespread use in political communication, particularly, in the speeches of politicians participating

in political debates. The latter are defined in this study as one of the forms of political discourse whose linguistic originality is determined by a strategic plan – discursive strategies and tactics subdivided into two main groups: strategies to lower the opponent's image and strategies to improve one's own image.

Keywords: irony, ironic meaning, incoherence of meanings, political discourse, political debate, pragmatic potential

© Solodilova I. A. 2023

For citation: Solodilova I. A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogherentnost' [Irony in political debate: Functional coherence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 124–135. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_124

1. Введение [Introduction]

В науке о языке есть категории, которые стали предметом изучения уже на этапе её становления и остаются актуальными, привлекая внимание учёных и по сей день. К таковым относится ирония, широкая палитра изучения которой делает невозможным дать ей однозначное определение, ибо ирония как риторическая фигура речи, укладываемая в модель антифразиса и относящаяся к семантике текста, явно отличается от иронии как вида оценочной модальности текста в целом и от иронии как характеристики картины мира говорящего (напр., художественной картины мира). Ирония в эстетике как разновидность комического, в стилистике как стилистический троп, в теории речевых актов как тип косвенной речи, аффектив (D. Amante), иллокутивная функция высказывания (H. Haverkate), и коммуникативная импликатура (H. P. Grice) (анализ работ указанных авторов см. в [Hartung, 1998, с. 36–44]), в лингвокультурологии как инструмент изменения ценностной картины мира [Пивоев, 2000], в лингвостилистике как компонент идеостиля писателя [Каменская, 2001] – это не весь перечень понимания иронии исходя из аспекта её рассмотрения. Тем не менее, есть что-то общее, что позволяет оставлять за всеми названными явлениями термин «ирония», не вступая в какое бы то ни было противоречие. В последнее время значительный интерес к иронии проявляется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языка, что обусловлено её оценочной и шире – интерпретирующей сущностью, с одной стороны, и смысловой сопряжённостью с дискурсивным знанием, с другой [Солодилова, 2014, 2019 ; Шилихина, 2014].

Говоря о жанровых «пристрастиях» иронии, следует также указать на её экспансию. Постмодерн как идея деструктурирования в культуре (децентрации, деконструкции) и отрицания западного логоцентризма и имплицированные ею идеи многозначности, интерпретативности (интерпретативной поливалентности), контекстуальности и интертекстуальности смыслов (бытия) дали импульс к развитию иронии как имманентной характеристики постмодернистского дискурса с её игрой смыслов, имитацией реальности, отрицанием стандартности, и стереотипности восприятия.

Широко изучаемая на материале художественной литературы, ирония как предмет исследования переключалась во многие другие жанры, в том числе и в жанр политических дебатов. Высокая потребность в косвенных способах передачи смысла, в демонстрации интеллектуальности, игривости и неагрессивности обеспечили иронии статус широко используемого средства выражения коммуникативного намерения в политической коммуникации. Вышеназванные факты вызвали наш интерес к изучению причин широкого использования иронии в текстах политических дебатов и особенностей её функционирования в этом жанре политического дискурса.

Г л о т е з а предпринятого исследования заключается в том, что функциональная «приемлемость» иронии для политического дискурса обусловлена её сущностью –

быть опосредованным способом выражения отрицательной оценки, сопровождающейся комичностью и, соответственно, эмотивностью.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в выявлении прагматического потенциала иронии, обуславливающего её широкое использование в речи политиков, участвующих в политических дебатах. Понятие прагматического потенциала объясняет широту возможностей использования того или иного языкового средства в текстах различных коммуникативных / дискурсивных жанров. Оно, в свою очередь, связано, в свою очередь, с признанием взаимообусловленности семантической и прагматической составляющих текста, а именно с признанием взаимодействия и выбора образующих семантическое пространство языковых элементов на уровне синтагматических и парадигматических отношений, а также с признанием смысловой обусловленности (интерпретативности) прагматическими установками субъекта высказывания. Прагматический компонент высказывания всегда связан с ответом на вопрос исследователя, почему именно так представлен говорящим некий фрагмент картины мира.

Исходя из такой постановки проблемы и цели исследования ставятся следующие з а д а ч и: 1) изучить прагматические характеристики жанра политических дебатов как формы реализации политического дискурса; 2) выявить существенные особенности иронии, отвечающие прагматическому запросу жанра политических дебатов; 3) описать механизм порождения иронического смысла (смыслообразования) в текстах политических дебатов.

1.1. Политические дебаты [Political debates]

Являя собой коммуникативное событие в сфере политической коммуникации и представляя таким образом одну из форм реализации политического дискурса, политические дебаты проявляют, соответственно, как общие характеристики, свойственные данному типу дискурса в целом, так и частные, отличающие данную форму реализации от других форм. К первым относятся характеристики, связанные с основными функциями политического дискурса, а именно функциями убеждения, воздействия, информирования, социального контроля, сохранения и легитимизации власти (укрепление приверженности системе), социальной солидарности и дифференциации, агональной и акциональной (активизация сторонников) функциями [Шейгал, 2000]. Функциональная заданность, связанная прежде всего с убеждением, воздействием, влиянием на целевую аудиторию, с необходимостью вступать в борьбу с коммуникативными партнёрами, обуславливает такие характеристики политической коммуникации, как манипулятивность, персуазивность, интерпретативность (создание собственной картины мира), регулятивность, агональность (сопоставительность, противоборство) и акциональность (совершение действия, ответственность).

Политические дебаты представляют собой одну из самых ярких форм коммуникативного воздействия в сфере политической коммуникации, являясь по сути вербальной схваткой между его участниками – оппонентами (противоборствующими сторонами), в которой (как в любой схватке, споре, борьбе) непосредственная цель направлена на доказательство своей правоты и неправоты противника и на завоевание победы [Пермяков, 2004, с. 4 ; Шейгал, 2000, с. 36]. Между этими двумя составляющими нельзя, однако, поставить знак равенства, т. к. противник может не признать свою неправоту и спор в таком случае останется без видимого разрешения (как это часто и бывает). Победа, тем не менее, может быть достигнута, т. к. истинная победа в дебатах состоит в привлечении на свою сторону аудитории путём убеждения её в своей правоте. Таким образом, конституирующим признаком политических дебатов как формы политического дискурса является наличие коммуникативных партнёров – противоборствующих сторон и адресата-наблюдателя.

Необходимость доказать свою правоту и неправоту оппонента и убедить в этом публику определяет две глобальные стратегии: стратегию на повышение своего имиджа в глазах адресата-наблюдателя и стратегию на понижение имиджа коммуникативного партнёра [Михалева, 2009, с. 45]. В реальной коммуникации эти стратегии представлены рядом частных стратегий. Так, стратегия на повышение имиджа может включать в себя стратегию самозащиты и самопрезентации, стратегию убеждения, агитационную стратегию, стратегию удержания власти и создания эмоционального настроения адресата-наблюдателя [Троянов, 1991 ; Шейгал, 2005]. Стратегия на понижение имиджа включает в себя чаще всего стратегию дискредитации, критики и нападения. И стратегия на повышение, и стратегия на понижение не обходятся без манипулятивной и персуазивной стратегий и стратегии политкорректности [Паршина, 2004].

Понятия стратегии и реализующих её тактик берут своё начало в военном искусстве, искусстве ведения войны и впоследствии заимствуются сначала экономическими науками, а затем и лингвистикой. Стратегия в широком смысле есть некий план, обусловленный определённой целью и осуществляемый поэтапно в форме алгоритма. Применительно к исследованию языковых фактов стратегию следует понимать как некий план оптимальной реализации интенции автора, определяющий как внутреннюю, так и внешнюю структуру текста [Троянов, 1991]. Выбор той или иной стратегии не случаен, он определяется, в первую очередь, проблемой, требующей стратегического планирования, целью, к достижению которой стремится адресант, и желательной для него (говорящего, автора текста) реакцией адресата [Антропологическая лингвистика, 2003, с. 183]. Будучи обусловленными дискурсивными параметрами (проблема – цель – адресат), коммуникативные стратегии и тактики, в свою очередь, определяют отбор языковых средств и способов выражения некоего содержания.

Необходимость оказывать воздействие на публику обуславливает значимость для политических дебатов ещё одной стратегии – *стратегии театральности*, которая также считается одной из дискурсивных стратегий политической коммуникации вообще.

1.2. Ирония: прагматический потенциал категории [Irony: Pragmatic potential]

В настоящем исследовании ирония изучается в когнитивно-дискурсивном аспекте и рассматривается в перспективе смыслообразования как иронический смысл. Последний есть результат концептуальной интеграции (в широком смысле) двух видов знания в рамках семантики текста и семантики дискурса. Иронический смысл рождается на основе некогерентности буквального смысла выражения и фонового знания (контекстуального или шире – дискурсивного). Их взаимодействие можно описать как семантическое несогласование [Hartung, 1998, p. 158], когнитивный диссонанс [Солодилова, 2015, с. 405], семантическую некогерентность [Кашкин и др., 2013].

Алогичность иронии как результат столкновения двух смыслов является, с одной стороны, причиной двуплановости семантики иронического высказывания, её имплицитности, а с другой – причиной комичности иронического смысла (комичности рождаемого образа) и оценочным характером семантики. Двуплановость (двусмысленность) иронии всегда интенциональна: выбор иронического способа выражения обусловлен, во-первых, осознанным желанием говорящего высказать некоторую точку зрения за вуалью другой и при этом быть понятым, во-вторых, желанием воздействовать на партнёров по коммуникации. В первую очередь, на объект иронии – высмеять, уколоть, сделать предметом критики (что предопределяется оценочностью иронии), а во вторую, на аудиторию, слушающих – вызвать смех, сформировать негативное мнение об объекте

иронии, а также продемонстрировать способность к языковой игре, к иронии как высоко интеллектуальному способу выражения мысли.

Оценочность иронии, т. е. её способность выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи является её имманентным признаком – давать «оценку людей, событий и ситуаций с точки зрения их соответствия принятой в обществе системе ценностей и норм» [Антропологическая лингвистика, 2003, с. 173]. В основе любых форм проявления иронии лежит фиксируемое по мнению говорящего несоответствие реальности существующим ценностям и нормам. Входя в большей или меньшей степени в пространство личной пристрастности говорящего, данное несоответствие вызывает эмоциональное отношение, которое модифицирует, усложняет отрицательно окрашенную семантику иронического высказывания эмотивностью и экспрессивностью.

Все названные выше особенности иронии определяют её прагматический (функциональный) потенциал, а именно 1) служить средством выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего к предмету речи со знаком «минус», 2) служить прямым, косвенным способом выражения личного мнения и оценки, 3) являться знаком интеллектуально высокой языковой компетентности, 4) вызывать смех и тем самым эмоционально-положительную реакцию слушающих.

Описанный выше прагматический потенциал иронии определяет возможность её эффективного использования в политической коммуникации, в частности в политических дебатах, причём одновременно и как средства реализации стратегий на понижение имиджа оппонента, и как средства реализации стратегий на повышение собственного имиджа.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and Methods]

Материалом для исследования послужили речи участников парламентских дебатов Германии от 2 марта 2018 года [<https://dserver.bundestag.de/btp/19/19018.pdf#P.1522>]. Тема дебатов – выдвинутое партией «Альтернатива для Германии» (АдГ) предложение о включении в конституцию Германии параграфа о статусе немецкого языка. Поводом для выдвижения такого предложения стал факт наличия в конституции Германии статьи о столице и национальном флаге при отсутствии статьи, обозначающей статус немецкого языка, которая, по мнению партии АдГ, необходима для сохранения чистоты немецкого языка и его выживания в условиях существующего многоязычия.

Побудительные мотивы этого предложения многообразны: борьба с обилием англицизмов в немецком языке, побуждение мигрантов к изучению немецкого языка за счёт создания сложных условий их интеграции при отказе, продвижение политических настроений, присущих партии и др. Однако данное предложение натолкнулось на протест и непонимание со стороны фракции ХДС и ХСС, левой партии, партии зелёных, на их в целом остро отрицательную оценку.

С помощью методов сплошной выборки и контекстуального анализа было отобрано 47 высказываний иронической тональности (насмешка, сарказм), которые в дальнейшем были подвергнуты лингвопрагматическому и лингвокогнитивному анализу, позволившему выявить средства реализации иронии и её функциональное своеобразие в данного рода текстах в соотношении с её прагматическим потенциалом. Критерием отбора являлось наличие в смысловой структуре высказывания отрицательной оценки (семантических элементов со знаком «минус») при косвенном характере её выражения. Семантика оценки подвергалась анализу на предмет особенностей имплицитного способа выражения и на предмет наличия в смысловой структуре высказывания алогичных (некогерентных, семантически диссонирующих) образов.

Следующий шаг исследования заключался в выявлении языковых средств, прямое значение которых порождает алогичность смыслов в рамках высказывания, их некогерентность и далее – в выявлении на основе интерпретации контекстуально- и шире – дискурсивнообусловленного иронического смысла. Определение языковых средств, используемых говорящим для выражения своего намерения, и их анализ в лингвопрагматическом аспекте позволяет соотнести семантическое и прагматическое своеобразие языковых средств (на уровне языковой системы) с их функциональным своеобразием на уровне текста и дискурса, а именно с ролью иронии в реализации стратегического плана текста.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ языкового материала позволил установить, что языковые средства выражения иронического отношения говорящего к предмету речи представлены двумя группами стилистически маркированных единиц: 1) лексическо-семантические языковые средства и 2) синтаксические языковые средства (риторические фигуры речи). Их распределение в общем объёме исследуемых языковых единиц примерно одинаковое: 48% приходится на первую группу и 52% – на вторую.

В первой группе преобладающее значение имеют окказиональные (авторские) метафоры (в 11 высказываниях), метафорические лексические единицы, приобретающие отрицательную оценку в контексте ситуации (в 16 высказываниях) и оценочная лексика сниженного регистра – разговорного, фамильярного, имеющая в своей семантической структуре компоненты отрицательной оценки (в 9 высказываниях). Менее частотным (но не менее действенным) является использование лексических единиц с ярко выраженными ассоциативными связями отрицательного характера (в 4 высказываниях).

Вторая группа представлена такими фигурами речи как риторические вопросы (в 10 высказываниях), антифразис (в 15 высказываниях) и плеоназм (в 18 высказываниях).

Ниже приведены наиболее яркие примеры использования названных языковых средств, «запускающих» в коммуникации механизм иронического смыслопорождения. Все они являются высказываниями политиков-парламентариев, представляющих интересы своих партий в Бундестаге.

Первое высказывание принадлежит представителю фракции ХДС и ХСС, фракции, которая в парламенте является противником партии АдГ.

(1) *Unsrer Fraktion geht es nämlich nicht um Deutschummelei, um Selbstdarstellung, sondern um die Sprache. Wir wissen erstens, sie muss gepflegt werden, zweitens sie muss verständlich sein, drittens, sie soll verbinden und nicht trennen.* (Gitta Connemann, CDU/CSU)¹.

Ключевым словом, своего рода ядром, вокруг которого формируется иронический смысл в данном высказывании, является существительное *Deutschummelei* ‘резвление вокруг немецкого языка’. Являясь окказионализмом, образованным из двух корневых слов – *Deutsch* ‘немецкий язык’ и *Tummelei* (окказиональное производное от глагола *tummeln* ‘резвиться’), это существительное описывает действия партии АдГ через метафорический образ резвящихся детей. Некогерентность прямого значения слова *Deutschummelei* и контекста ситуации обусловлена образом резвящихся детей и представлением (знанием) о субъекте действия – членах политической партии. Эта алогичность задаёт ироническую модальность и, соответственно, отрицательную оценку называемым действиям. Отрицательная семантика осложнена в данном случае и отрицательной эмотивностью образа, который за счёт своей алогичности позволяет говорящему косвенно выразить свою эмоцию. Её экспликация укладывается в границы «насмешка – осуждение – лёгкое презрение».

¹ Иллюстративные примеры взяты из стенографического протокола заседания Парламента Германии № 18 от 02.03.2018 г.: Plenarprotokoll 19/18 (bundestag.de). <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19018.pdf>

Характеристика, даваемая метафорой-окказионализмом *Deuschtummelei*, отсылается к партии АдГ не прямо, а косвенно, через отрицание говорящим собственных действий как таковых. Данное отрицание имплицитно в контексте ситуации утверждение данной характеристики в отношении партии АдГ. Этот приём, который можно было бы обозначить «от противного», является достаточно частотным и позволяет реализовать сразу две тактики – тактику презентации себя, своего положительного имиджа (это плохо, но мы так не делаем) и тактику обвинения. Если первая тактика работает на реализацию стратегии повышения собственного имиджа, то вторая – на дискредитацию оппонента (понижение его имиджа). Опосредованный (косвенный) способ реализации тактики обвинения обеспечивает соблюдение максимы вежливости и политкорректности так же, как и ироничное *Deuschtümmelei* своим нормативным характером, выражая при этом эмотивную оценку и рождая яркий «нелицеприятный для оппонента» образ.

Следующее высказывание также принадлежит представителю фракции ХДС и ХСС.

(2) *In der Arbeitswelt, in der Wissenschaft, in der Forschung ist die Vielsprachigkeit schlicht gar nicht mehr weg zu denken. Zu guter Letzt: Besonders enttäuschend ist, dass Ihr Antrag auch noch mehr als scheinheilig ist – samt den Schaufensterreden, die Sie hier gehalten haben* (Andrea Lindholz, CDU, CSU).

Семантическим центром в данном высказывании является выражение *mehr als scheinheilig* ‘больше, чем ханжеский / лицемерный’, относящееся к существительному *Ihr Antrag* ‘Ваше предложение’, и авторская метафора (окказионализм) *Schaufensterreden* ‘витринные речи’. Если прилагательное *scheinheilig* относится к оценочной лексике и содержит сему отрицательной оценки в своей семантической структуре, то существительное *Schaufensterreden*, являясь метафорой, выражает оценку опосредованно через отсылку к образу витрины, актуализируя семантику «показушности» – речи напоказ и в сочетании с вышеназванным прилагательным – семантику лицемерия и фальши. Отрицательная оценка поведения представителей партии АдГ осложняется ироничным (комичным) образом выступающих в витрине. Эта комичность рождается на основе некогерентности данного образа и представления о деятельности парламентариев, что в итоге даёт говорящему возможность не только выразить своё эмоционально-отрицательное отношение к оппоненту, но и высмеять его. Тактика разоблачения – выявления истинного лица партнёра – используется с целью его (партнёра) дискредитации, чем обусловлен и выбор языковых средств.

Ещё один пример использования авторской метафоры с целью создания ироничного образа оппонента и его высмеивания находим в словах представителя партии зелёных.

(3) *Heute malen Sie uns zur Abwechslung mal die Niederung der deutschen Sprache an, es ist Ihre Klagemauer der Ängstlichkeit. Dass wir Deutsche eine anerkannte Wissenschaftssprache, sowie eine vielfältige deutsche Literatur und Mediensprache haben, spielt da natürlich keine Rolle* (Erhard Grundl, die Grünen).

Выражение *Ihre Klagemauer der Ängstlichkeit* ‘Стена Плача Вашей боязливости’ является двойной метафорой, в которой первая часть – слово-реалия актуализирует сему чрезмерного горя (по поводу состояния немецкого языка), а вторая – его причину – страх за судьбу немецкого языка. Гиперболический для описываемой ситуации образ Стены Плача рождает смысловую абсурдность и некогерентность – основу для иронической модальности всего высказывания. Эта модальность задана уже в первом предложении глагольной метафорой *anmalen* ‘рисовать, намалевать’, которая актуализирует в контексте высказывания семантику несерьёзности, преувеличения, лживости и в последнем предложении имеет подтверждение, выраженное синтаксически антифразисом – утверждением, обратным тому, что мыслится. Ироническая модальность высказывания служит реализации намерения говорящего – высмеиванию оппонента, демонстрации абсурдности его действий – и как таковая – реализации стратегии дискредитации.

Как показывает анализ, образы, на основе которых рождается иронический смысл, являются абсурдными и тем самым яркими, запоминающимися и, соответственно, действенными. Это качество иронии обеспечивает ей статус эффективного средства реализации персуазивности и акциональности – значимых функций в политической коммуникации. В то же время воздействие образами есть всегда воздействие на эмоциональную сферу человека и, следовательно, всегда манипулятивно.

Ирония, как известно, может выражаться и безобразными средствами. Упомянутый выше антифразис является достаточно частотным стилистическим приёмом для выражения иронического отношения говорящего к предмету речи.

(4) *Ja, jetzt macht der Antrag natürlich Sinn. Ich verstehe das, aber dann würde ich doch empfehlen bevor Sie alles ins Grundgesetz schreiben, doch erst mal Deutsch zu lernen* (Gitta Connemann, CDU/CSU).

Антифразис обычно строится на контрасте формально одобрительного значения или похвалы употребляемого слова или выражения с порицающим или неодобрительным смыслом высказывания. Одобрительное значение вербализовано выражением *macht natürlich Sinn* ‘имеет смысл’, относящимся к существительному *der Antrag* и характеризующее предложение партии АдГ. Но следующее за ним предложение меняет «плюс» на «минус» тем, что содержит совет выучить немецкий язык, который диссонирует с предметом обсуждения и всей ситуацией (АдГ выступает за чистоту немецкого языка и определение его статуса). Смысловой диссонанс рождается на пресуппозиционном уровне. Пресуппозиция может быть сформулирована следующим образом: «Люди, которые борются за чистоту языка владеют им на высоком уровне». Эта пресуппозиция диссонирует с советом, который даёт говорящий и который предполагает (вторая пресуппозиция), что представители партии АдГ немецким языком владеют плохо. Смысловой диссонанс двух пресуппозиций становится основой комичности представления всей ситуации и иронической оценки говорящего. Ирония служит здесь обличению оппонента в неграмотности и является средством реализации тактики обличения и через неё – стратегии дискредитации.

Ироническая модальность, рождаемая на основе описания абсурдной ситуации, характеризует нижеследующее высказывание представителя Левой партии. Она выражена в трёх риторических вопросах:

(5) *Ich darf Sie zitieren aus Ihrem Antrag: Unternehmen nutzen die englische Sprache bevorzugt nicht nur für unternehmensinterne Kommunikation, sondern auch für Werbemaßnahmen. Wollen Sie Unternehmen also als Erstens vorschreiben, wie sie ihre Werbungen gestalten sollen oder gar wie sie intern kommunizieren wollen?*^a

Sie schreiben weiter: deutsche Musiker sehen sich gezwungen, auf Englisch zu singen. Wollen Sie unseren Radio und Fernsehsendern vorschreiben, welche Musik sie spielen müssen oder sogar welche Musik wir hören dürfen?^b

Sie wollen in ihren Antrag der öffentlichen Kommunikation staatlichen Institutionen über die bereits verankerte Festlegung der deutschen Sprache hinaus weitere Vorgaben machen. Wollen Sie vielleicht bei wissenschaftlichen Kongressen in Deutschland den Wissenschaftlern aus aller Welt vorschreiben, dass Sie nur deutsch zu sprechen haben?^c

Риторические вопросы не предполагают ответа. Он никогда не ожидается говорящим, поскольку намерение его состоит не в запросе информации. В данном случае намерение говорящего заключается в высмеивании оппонента через абсурдность описываемых ситуаций, которые представлены как имплицативные выводы из цитируемых положений партии АдГ. Именно эта абсурдность позволяет говорящему представить действия оппонентов как лишённые смысла, а их самих – как глупых, не способных к анализу реальной ситуации политиков.

(5 а) *Neужели Вы хотите дать предписания предпринимателям, как им создавать рекламу или как они должны общаться?* – о сетованиях, что предприниматели предпочитают английский язык не только для предпринимательских целей, но и для рекламы.

(5 б) *Neужели Вы хотите дать предписания нашему радио и телевидению, какую музыку они должны проигрывать или, более того, какую музыку слушать нам?* – о немецких музыкантах, исполняющих на английском языке.

(5 с) *Neужели Вы хотите дать предписания и учёным всего мира, вести дискуссии в рамках научных конференций только на немецком языке?* – по поводу предложения государственным учреждениям регулировать общественную коммуникацию.

Ирония, выраженная указанными риторическими вопросами помогает говорящему эффективно реализовать своё намерение – оскорбить, унижить достоинство собеседника, не нарушая принятые в данном типе дискурса правила коммуникативного поведения.

В политических дебатах ирония может быть достаточно жёсткой, граничащей с сарказмом, когда говорящему необходимо вывести своего оппонента на чистую воду, показать его непривлекательное для аудитории лицо. В таких случаях обвинения могут выражаться с помощью языковых средств, имеющих яркие негативные ассоциации.

(6) *Seit Jahren arbeiten Sie daran, Unsägliches wieder sagbar zu machen. Da wird volkisch schwadroniert, was das Zeug hält?* (Simone Barrienstos, die Linke).

В отношении приведённого высказывания можно говорить об использовании плеоназма – риторического приёма, оборота речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла. Этим элементом является мысль о бессмысленности действий партии АдГ, что выражено в первом предложении высказывания. Эта мысль, однако, в гораздо более резкой форме выражена и во втором предложении с помощью словосочетания *volkisch schwadronieren* и существительного *das Zeug*. Глагол *schwadronieren* имеет значение ‘разглагольствовать, хвастаясь’ и рождает тем самым семантически диссонирующий с представлением о парламентариях и политиках образ несерьёзных, много и без дела болтающих людей. То же самое относится и к существительному *das Zeug*, которое используется здесь для обозначения предложения (проекта) партии АдГ и своим актуализируемым контекстом значением ‘Unsinn, besonders unsinniges Geschwätz’ [duden.de, Zeug] поддерживает смысл ‘пустая болтовня’. Этот диссонанс рождает ироническую тональность – насмешку, которая превращается, однако, в «злую» с помощью наречия *volkisch*. Словарь «Дуден» описывает значение прилагательного *völkisch* следующим образом: «в расистской идеологии национал-социализма относящийся к народу как к якобы отдельной расе, принадлежащий к народу, являющемуся якобы отдельной расой» [duden.de, völkisch]. Ассоциативный план данного выражения отсылает к нацистским теориям «высшей» и «низшей» расы и к самой известной газете гитлеровской Германии «Völkischer Beobachter» и обличает оппонентов как приверженцев националистической позиции, что является достаточно серьёзным обвинением.

Тактика оскорбления является в общем ряду тактик, направленных на дискредитацию оппонента, самой «не позитивной» тактикой и именно поэтому требует особых средств и форм реализации для сохранения общего позитивного характера коммуникации, одним из условий которого является соблюдение максимы вежливости. Именно поэтому в политической коммуникации оскорбления чаще всего выражены в косвенной форме. Ирония является в этом отношении идеальным средством реализации намерения говорящего, т. к. позволяет реализовать интенцию оскорбления через осмеяние, высмеивание оппонента, избегая опасность быть обвинённым в некорректном коммуникативном поведении.

Тем не менее, абсурдность ситуации, на основе которой рождается иронический смысл, как и абсурдность образов, является действенным средством воздействия на мнения и оценки аудитории, что и в этом случае обеспечивает иронии способность реализовывать функции персуазивности, акциональности и манипулятивности.

Кроме стратегии дискредитации оппонента как одной из ведущих стратегий, используемой в парламентских дебатах, необходимо несколько слов сказать и о стратегии театральности, которая, на наш взгляд, связана и со стратегией повышения собственного имиджа, и с персуазивностью, и с манипулятивностью политической коммуникации.

Если стратегия дискредитации имеет конкретный набор тактик (обличение, обвинение, оскорбление, нападение и т. п.) и языковых средств реализации, то стратегия театральности связана, скорее, с формой само-представления и этой формой является игра (в широком смысле слова). В политическом дискурсе, в том числе и в политических дебатах эта игра определяется наличием фактора зрителя, фактора аудитории, которую необходимо «перетянуть» на свою сторону. Соответственно, в дело вступают тактики, направленные на повышение собственного имиджа через игровой эффект – игру слов, игру смыслов, игру образов и фигур. Ирония этом отношении является, во-первых, действенным языковым средством, обеспечивающим игровой и комический эффект: смешить, говоря правду – модель поведения всех шутов в древности. А во-вторых ирония служит средством, мотивирующим аудиторию вступить в эту игру, поскольку, как известно, высказывание только тогда признаётся ироническим, когда оно понимается как таковое. Ирония всегда связана с рефлексией, которая необходима для преодоления смыслового диссонанса, для понимания иронии. Но, как тонко подметил в своё время М. Хартунг [Hartung, 1998, S. 165], желание говорящего представить с помощью иронии свою перспективу видения, сопровождается не только желанием быть понятым слушающими (читающими) в смысле семантики, но и быть понятым в смысле значимой для социума системы ценностей, т. е. быть принятым ими. В этой связи ирония не может изучаться и пониматься как чисто языковое явление, ведь она вписана в ценностную картину мира индивида, его ценностную систему и шире – в ценностную систему общества и его ментальность, а значит, есть явление когнитивно-дискурсивного плана.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ текстов политических дебатов на предмет использования в них иронии позволил сделать следующие выводы. Ирония может рассматриваться в целом как тактический приём для реализации дискурсивно значимых стратегий дискредитации, политкорректности, персуазивности и театральности, свойственных политической коммуникации.

Выявленный прагматический потенциал иронии реализуется в исследуемых текстах благодаря определённому набору языковых средств лексическо-семантического и синтаксического уровней, среди которых наибольшую значимость приобретают окказионализмы, авторские метафоры, лексика разговорного и фамильярного стиля, риторические вопросы, антифразис, плеоназм, а также слова, значение которых определяется историческими событиями, реалиями, что обеспечивает наличие в сознании говорящих и слушающих отрицательных ассоциаций.

Лингво-дискурсивный анализ высказываний – реплик парламентариев – позволил установить, что названные выше языковые средства полностью удовлетворяют функционально-прагматический «запрос» иронии – являться косвенным средством выражения отрицательной оценки, осложнённой эмотивностью, семантическое пространство которой простирается от лёгкой насмешки до презрения и осуждения. Авторские метафоры и окказионализмы рожают яркие, большей частью абсурдные образы, вызывая у слушающих смех и побуждая к поиску истинного смысла. Лексические средства фамильярной стилистической окраски служат снижению стилистического регистра коммуникации и актуализируют отношение пренебрежения. Синтаксические языковые средства, известные в стилистике как фигуры речи, объединены здесь одной прагматической характеристикой – выразить недоумение говорящего по поводу действий

оппонента и указывать заострённо и иногда утрированно на их абсурдность. Распределение лексических и синтаксических средств оказалось схожим. Косвенный характер выражения оценочного отношения обеспечивает соблюдение максимы вежливости.

Выявленные языковые средства в контексте коммуникативной ситуации обладают ещё одним свойством – они порождают некогерентность двух смыслов – буквального и дискурсивного и запускают тем самым механизм иронического смыслопорождения. Игра слов и смыслов, комичность «рисующей» говорящим ситуации порождают, в свою очередь, театральность данного типа коммуникации и обеспечивают значимое влияние на публику.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и продемонстрировали когерентность таких характеристик политических дебатов, как агональность – отрицательная оценочность, политкорректность – имплицитность оценки, персуазивность – эмотивность и экспрессивность, тетральность – комичность, игровой эффект.

Библиографический список

- Антропологическая лингвистика, 2003 – Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / Ю. М. Малинович [и др.]; ред. и общ. науч. рук-во Ю.М. Малиновича. Иркутск-Москва : Иркутский гос. лингв. ун-т, 2003. 251 с.
- Каменская, 2001. – Каменская Ю. В. Ирония как компонент идеостиля А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2001. 22 с.
- Кашкин, Шилихина, 2013 – Кашкин В. Б., Шилихина К. М. Существует ли рецепт иронии? (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 98–106.
- Михалева, 2009 – Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Паршина, 2004 – Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань : Изд-во АГТУ. 2004. 195 с.
- Пермяков, 2004 – Пермяков О. Н. Психологические условия повышения эффективности участия в политических дебатах : автореф. дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Тамбов, 2004. 25 с.
- Пивоев, 2000 – Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.
- Солодилова, 2014 – Солодилова И. А. Оценочность иронических смыслов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 11 (172). С. 121–127.
- Солодилова, 2015 – Солодилова И. А. Оценка: концептуальные и языковые особенности реализации. Оренбург : ОГУ, 2015. 482 с.
- Солодилова, 2019 – Солодилова И. А. Ирония в лингвокогнитивном аспекте изучения // Научные исследования русской словесности (к юбилею профессора С. А. Матяш) : сб. науч. тр. Оренбург : ОГУ, 2019. С. 113–118.
- Троянов, 1991 – Троянов В. И. Стратегии коммуникантов в споре // Прагматика и логика дискурса. Ижевск, 1991. С. 20–25.
- Шейгал, 2000 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
- Шейгал, 2005 – Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики : сб. обзоров. Сер. Теория и история языкознания. М., 2005. С. 51–70.
- Шилихина, 2014 – Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.
- Duden.de, *völkisch* [Электронный ресурс] : официальный сайт словаря немецкого языка Duden. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/voelkisch>
- Duden.de, *Zeug* [Электронный ресурс] : официальный сайт словаря немецкого языка Duden. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Zeug>
- Hartung, 1998 – Hartung M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächanalytische Untersuchung. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1998. 198 S.

Klein, 2001 – Klein J. Gespräche in politischen Institutionen // Text- und Gesprächslinguistik. Bd. 2. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. S. 1589–1607.

References

- Malinovich, Yu. M., Vinogradova, N. G., Malinovich, M. V., Palkevich, O. Ya., Plotnikova, S. N., Serebrennikova, E. F., Trunova, O. V., & Khakhalova, S. A. (2003). *Antropologicheskaya lingvistika: Kontsepty. Kategorii* [Antropological linguistic: Concepts. Categories]. Irkutsk-Moscow : Irkutsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Kamenskaya, Ju. V. (2001) Ironia kak component ideostilja A. P. Chekchova [Irony as a component of A. P. Chekchov's ideostyle]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov State University. (In Russ.).
- Kashkin, V. B., Shilikhina, K. M. (2013). Sushchestvuyet li retsept ironii? [Is there a “cooking guide” to irony? (Evidence from Russian and Italian)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 5–22. (In Russ.).
- Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskij dikurs: Spetsifika manipuljativnogo vozdeystviya* [Political discourse: Specific of manipulative influence]. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Parshina, O. N. (2004). *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [Strategies and tactics of verbal behavior of Russia's modern political elite]. Astrakhan : Astrakhan State Technical University Press. (In Russ.).
- Permyakov, O. N. (2004). *Psichologicheskie usloviya povysheniya effektivnosti uchastiya v politicheskikh debatakh* [Psychological conditions to improving effective participation in political debate]. Author's abstract of PhD in Psychological sci. diss. Tambov : Tambov State University. (In Russ.).
- Pivoev, M. V. (2000). *Ironia kak fenomen kultury* [Irony as cultural phenomenon]. Petrozavodsk : Petrozavodsk University Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2014). Otsenochnost' ironicheskikh smyslov [Evaluation of irony meaning]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Vestnik of the Orenburg State University], 11 (172), 121–127. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2015). *Otsenka: kontseptualnye i yazykovye osobennosti realizatsii* [Evaluation: cognitive and linguistic features of realization]. Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2019). Ironiya v lingvokognitivnom aspekte izucheniya [Irony in lingvocognitive aspect of study]. *Nauchnye issledovaniya russkoy slovesnosti* (k yubileyu professora S. A. Matyash) [Studies of Russian philology (In honor of Prof. S. A. Matyash)]: Selected papers (pp. 113–118). Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).
- Troyanov, V. I. (1991). Strategii kommunikantov v spore [Communicators strategies in disputes]. *Pragmatika i logika disputa* [Pragmatics and logic of dispute] (pp. 20–25). Izhevsk. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Sheygal, E.I. (2000). Problemy analiza politicheskogo diskursa [Issues of political discourse analysis]. *Russkiy yazyk v sovremennoy obshchestve: Funktsionalnye i statusnye kharakteristiki* [Russian language in modern society: Functional features and status] (pp. 51–70). Moscow. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbalnoy ironii* [Semantics and pragmatics of verbal irony]. Voronezh : Nauka-Yunipress. (In Russ.).
- Duden.de, völkisch. (n. d.). <https://www.duden.de/rechtschreibung/voelkisch>
- Duden.de, Zeug. (n. d.). <https://www.duden.de/rechtschreibung/Zeug>
- Hartung, M. (1998). *Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächanalytische Untersuchung*. Opladen : Westdeutscher Verlag.
- Klein, J. (2001). Gespräche in politischen Institutionen. *Text- und Gesprächslinguistik*. Bd. 2. (SS. 1589–1607). Berlin, New York : Walter de Gruyter.